

Ф И Л И П П М А Т И С З А К

ОДИН ДЕНЬ В ДРЕВНИХ АФИНАХ

24 ЧАСА ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ,
ЖИВШИХ
ТАМ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Филипп Матисзак
Один день в Древних
Афинах. 24 часа из жизни
людей, живших там
Серия «Древние
цивилизации: как жили люди»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67776444

Один день в Древних Афинах : 24 часа из жизни людей, живших там:

Эксмо; Москва;

ISBN 978-5-04-170468-1

Аннотация

Книга доктора римской истории, автора многочисленных книг по истории Рима Филиппа Матисзака приглашает читателя отправиться в Древние Афины времен Перикла и Фидия. Автор, как опытный гид, проведет вас через узкий Фермопильский проход, бывший некогда ареной героического противостояния спартанцев и армии Ксеркса, к священным храмам Дельф, а далее по морской глади вы достигнете величественных морских ворот Афин – порта Пирей. Вскоре вы попадете в прекрасный греческий город Пяти Холмов. Книга не только познакомит вас с величественным Акрополем и шумной Агорой, но и приоткроет

двери многочисленных лавок и частных домов. Вы побываете на представлениях театра Диониса, пройдете по узким афинским улицам во время Великих Панафиней, станете гостем веселой греческой свадьбы.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Введение	6
Седьмой час ночи (00:00–01:00)	8
Восьмой час ночи (01:00–02:00)	24
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Филипп Матисзак
Один день в Древних
Афинах : 24 часа из жизни
людей, живших там

© Истомин Кирилл, перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Введение

Добро пожаловать в Афины! На дворе 416 г. до н. э., месяц элафеболион, канун праздника Великих Дионисий (начало апреля). Сейчас в городе около 30 000 жителей и самая высокая в истории человечества концентрация гениев на квадратный метр.

Совсем скоро судьбоносная война положит конец золотому веку Афин, но мы еще успеем провести двадцать четыре часа в компании простых афинян. Время от времени они встречают местных великих людей, однако видят в них не титанов мысли, а простых смертных, которым ничто человеческое не чуждо. В конце концов, гении не так уж часто занимаются чем-то гениальным. Большую часть времени они ведут себя как обычные люди: ходят в туалет, ругаются с супругами или выпивают с друзьями.

В большинстве древних текстов простые афиняне упоминаются, только если им доводится взаимодействовать с кем-либо из выдающихся жителей города. В этой книге все наоборот: афинские гении появляются, лишь когда они встречаются с обычными людьми, занятыми повседневными заботами.

Одни главы этой книги основаны на данных археологии, другие – на античных текстах, пересказанных с точки зрения обычного афинянина. Все такие пересказы снабжены ссыл-

ками на источники.

В основе некоторых реконструкций лежат догадки, однако они, в свою очередь, опираются на достижения современной науки. Каждая глава рассказывает – по возможности словами самих афинян – об одном часе одного дня из их жизни в этом необыкновенном, изменчивом, великолепном и безнравственном городе в эпоху его наивысшего расцвета.

Весной 416 г. до н. э. афиняне все еще наслаждаются мирной жизнью. Пятью годами ранее Никиев мир положил конец первому этапу разрушительной Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.). Неоднократные нападения спартанских войск опустошили окрестности города, однако сейчас Афины сильны как никогда. Более того: Алкивиад, *enfant terrible* афинской политики, подталкивает горожан к дерзкой попытке вторжения на Сицилию.

В лихорадочной атмосфере эпохальных перемен и политических интриг в городе, где при помощи рабства и угнетения создаются величайшие творения западной цивилизации, простые афиняне, столкнувшись с чрезвычайными обстоятельствами, пытаются продолжать жить обычной жизнью.

Вот их история.

Седьмой час ночи (00:00–01:00)

Страж храма предается

ВОСПОМИНАНИЯМ

Атеистов в Афинах не много, но и эти немногие пересмотрели бы свои взгляды, если бы поменялись местами с элейцем Пантарком. Этой ночью Пантарк охраняет самое сердце Акрополя – Парфенон, посвященный богине Афине храм. Прямо сейчас, ровно в полночь, Пантарк живо ощущает ее присутствие. Она стоит у него за спиной.

В мерцающем свете масляных ламп богиня отбрасывает тень прямо на Пантарка, и ее богато украшенный шлем слегка двигается, как будто Афина покачивает головой, взирая на оказавшегося в ее владениях смертного. Пантарк не сомневается, что ее глаза, лазурно-синие при свете дня, ныне приобрели свой истинный цвет – стальной серый, цвет пред-рассветного афинского неба. «Сероглазой богиней» зовут ее греки – священную Афину, мудрейшую дочь Зевса, покровительницу сражающихся.

Пантарк оборачивается, но медленно, так, что сперва он видит лишь отражение богини в расположенном у ее ног бассейне, наполненном переливающимся в свете огня маслом. Страж не поднимает взор, но ему хорошо известно, что богиня очень высокая, в девять раз выше взрослого мужчины,

и что ее кожа белая, как слоновая кость. Афина протягивает бледную руку, словно предлагая людям награду в виде победы – в буквальном смысле, ведь богиня отложила золотое копье, прислонив его к левому плечу, чтобы на ее ладони могла разместиться Ника – воплощение победы.

Победа – вещь ненадежная, того и гляди она упорхнет, взмахнув позолоченными крыльями; обнадеживает лишь то, что Афина не покинет свой город и будет защищать его вечно. Как всякая почтенная афинянка, она облачена в пеплос – одеяние, свешивающееся с плеча, подпоясанное по талии и элегантно ниспадающее до щиколоток. Простые женщины носят пеплосы из небеленой шерсти, аристократка может щеголять в пеплосе из окрашенного пурпуром льна, но только Афины, любимицу Зевса и спутницу героев, украшает пеплос из чистого золота.

Пантарк делает шаг назад, чтобы получше разглядеть лик своей богини. Сегодня она кажется ему непривычно серьезной. Может быть, она думает о том далеком дне, после которого прошло уже полжизни – дне, когда ее воплотили руки гениального мастера? Божественная Афина родилась из головы Зевса, однако тело, в котором она теперь пребывает, впечатляющее изваяние, установленное в возведенном специально для него храме, было создано Фидием – величайшим скульптором не только своего времени, но и (по очень предвзятому мнению Пантарка) всех времен.

Мы можем представить себе изваяния прекраснее

Фидиевых, хотя не видели в этом роде ничего совершеннее.

Цицерон. «Оратор», 2.8¹

С тех пор многое изменилось, но Афина осталась прежней – царственной и в то же время доступной, великолепной при свете дня, но по-настоящему оживающей лишь ночью, когда рядом не остается никого, кроме Пантарка.

С момента знакомства Пантарка с Фидием минуло почти семнадцать лет. Дело было в Элиде, небольшом городке на Пелопоннесе. Еще в юности Пантарк прославился как атлет, и выдающийся скульптор не раз приглашал его к себе в мастерскую. Фидий объяснил ему, что не многие удостоиваются чести высекать изображения великих богов Эллады. Жители Элиды пригласили афинского мастера, чтобы он изготовил для них настоящий шедевр – статую самого Зевса, могущественного покровителя Олимпийских игр, за организацию которых в ту пору отвечал этот город.

Пантарк представляет себе Фидия, снующего из стороны в сторону по пыльной мастерской, заваленной образцами мрамора, слоновой кости и редчайшего кедра. Позабыв о молодом госте, Фидий бормочет себе под нос: «Изобразю его принимающим судьбоносное решение. Суровым, величественным, грозным. Конечно!». Он цитирует «Илиаду»:

¹ Перевод И. П. Стрельниковой. Цит. по: Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972.

Рек, и во знаменье черными
Зевс помавает бровями:
Быстро власы благовонные
вверх поднялись у Кронида
Окрест бессмертной
главы, и потрясся Олимп
многохолмный»²

«Именно таким! Прав был Гомер! Усажу его на трон, сделаю его, как и Афину, сияющим, из золота и слоновой кости. На голове у него будет корона – нет, лучше венки, словно из оливковых ветвей, ведь Афина, богиня оливок, родилась из чела, увенчанного этим венком! Олимпийским чемпионом становится одержавший победу, поэтому и у Зевса в руке будет Ника (надеюсь, Афина не возражает). А в другой руке – скипетр. Я потребую у элейцев средства, чтобы украсить его всевозможными драгоценными камнями. Ну а на вершине скипетра, конечно, должен быть орел. Из чистого золота! И одеяние будет из чистого золота. Его я украшу изображениями животных и цветов. Лилий, пожалуй. Лилии хорошо получают».

Лилии и в самом деле хорошо получились. Прошло всего двенадцать лет с того дня, когда статую Зевса впервые продемонстрировали потрясенным и очень довольным жителям Олимпии, а ныне она считается одним из чудес света наря-

² Гомер. «Илиада», 1.528–530. Перевод Н. И. Гнедича. Цит. по: Гомер. Илиада. Л.: Наука, 1990.

ду с египетской пирамидой Хеопса и висячими садами Семирамиды в Вавилоне. Элейцы же обязаны своим шедевром Афинам – но не величию этого города, а худшему, что есть в нем: мелочной зависти, подлости и демагогии афинских политиков.

Один Фидий верно воспроизвел гомеровского Зевса, ибо действительность превзошла даже высокое представление, какое [я] имел об этом изображении.

Луций Эмилий Павел, завоеватель Македонии. Полибий, «Всеобщая история», 30.10³

В ту пору Фидий был еще молод, и прошло еще не так много времени с окончания греко-персидских войн. Значительная часть Афин еще не была восстановлена после разгрома, учиненного персидскими войсками, которые оккупировали город в 480 г. до н. э. Гнев персов обрушился на Акрополь. Им, огнепоклонникам, не нужен был храм Афины, и они его уничтожили.

Перикл руководил афинской демократией не по должности, а исключительно благодаря силе своей личности. Он и принял решение восстановить Акрополь и, в частности, храм Афины – так, чтобы новые сооружения превзошли все здания в мире. Для строительства надлежало использовать только самые лучшие материалы: для стен – пентелийский мрамор, для крыши – кедровые балки и позолоченную чере-

³ Перевод Ф. Г. Мищенко. Цит. по: Полибий. Всеобщая история. В 2 т. Т. 2. М.: АСТ, 2004.

пицу.

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

Разделите линию надвое таким образом, чтобы большая часть относилась к меньшей так же, как вся линия – к большей. Отношение большей части к меньшей будет равно 1,618... (как и в случае с числом π , дробь бесконечна).

Это соотношение, именуемое золотым сечением, используется в искусстве и инженерном деле и, как следствие, в архитектуре. Отношение длины Парфенона к его ширине соответствует золотому сечению, что неудивительно, ведь золотое сечение открыл не кто иной, как Фидий. В математических формулах оно обозначается греческой буквой Φ (фи), с которой начинается имя Фидия.

Меньшие статуи изготавливались из мрамора с острова Парос, лучшего в мире. Статуя Афины должна была занять центральное место в храме, которому належало стать ядром Акрополя, а Акрополь считался сердцем Афин. Для такой важной статуи не подходил даже самый лучший мрамор: ее нужно было изготовить из отполированной слоновой кости и чистого золота, чтобы великолепие Афины напоминало молящимся о величии ее города и народа.

Строительство курировали три человека: один отвечал за привлечение рабочих и закупку материалов, другой – за архитектуру и инженерные работы, а третий – за то, чтобы из множества элементов получилось цельное произведение ис-

кусства. Этим третьим и был Фидий.

Никто не отрицает, что Фидий и его коллеги превосходно справились с поставленной перед ними задачей. Однако, поддавшись тщеславию, скульптор польстил самому себе и своему покровителю Периклу: на фризе, изображающем битву афинян с амазонками, он изобразил себя в виде воина, бросающего в амазонок камень, а другого участника сражения сделал поразительно похожим на Перикла. Хуже того, ходили слухи, что Фидий приглашал знатных женщин взглянуть на незавершенную работу, чтобы дать Периклу возможность соблазнить их.

Противники Перикла решили, что смогут навредить ему, если устранят Фидия. Они подговорили одного из помощников скульптора засвидетельствовать, что Фидий присвоил себе часть золота, предоставленного для украшения облачений Афины. Золота выделили чрезвычайно много, поскольку статуя должна была служить не только символом славы города, но и чем-то вроде его резервного банка. В случае крайней необходимости драгоценный металл можно было снять с облачений и потратить на строительство кораблей и выплаты жалованья наемникам, но при условии, что впоследствии он будет заменен новым. Более того, Парфенон отличался от большинства храмов тем, что его наос – помещение, в котором и располагалась статуя – был разделен на две части. За спиной богини находилось надежное хранилище, наполненное золотом, серебром и данью, которую выплачивали горо-

да, входившие в Афинскую державу.

Перикл предвидел и опасность растраты, и политические последствия выдвижения подобного обвинения. Он велел Фидию сделать так, чтобы при необходимости золото можно было снять со статуи и взвесить. Взвешивание продемонстрировало, что весь металл был на месте. «Ой, я ошибся! – заявил на это вероломный помощник Фидия. – Я имел в виду не золото, а слоновую кость. Он присвоил часть слоновой кости, из которой сделана статуя!» Элементы статуи, выполненные из слоновой кости, снять и взвесить было невозможно. На этот раз Фидию не удалось доказать свою невиновность, и он оказался в тюрьме.

Пантарк так и не узнал, каким образом Фидию удалось выбраться из афинской тюрьмы и достичь Элиды, где ему поручили работу над статуей Зевса. За этим почти наверняка стоял Перикл. Причина, возможно, крылась в том, что строительство Парфенона все еще продолжалось.

Фидий все еще был нужен афинянам: в его отсутствие за работу, которую он вынужден был прервать, взялись его молодые ученики. Пантарк вспоминает, как ежедневно – зачастую в самые неподходящие моменты – в мастерскую Фидия в Элиде наведывались гонцы из Афин. Они спрашивали о пропорциях различных статуй, о том, в каком порядке нужно было разместить скульптуры, о мраморе для фронтонов и о множестве других мелочей. Пантарк слушал разговоры о ходе работ, и со временем Парфенон начал будоражить его

воображение почти так же сильно, как сам он все еще будоражил воображение Фидия. Пантарк понял, что должен своими глазами увидеть это грандиозное здание и величественную статую Афины, из-за которой его учитель едва не погиб. Его мучило любопытство: какими вышли все те многочисленные мелочи, о которых он столько слышал?

UNIVERSITY OF ILLINOIS ARCHIVES. 0006244.TIF

Фидий демонстрирует модель своей величественной статуи Афины⁴

⁴ Миниатюра Лорато Тафта, изображающая мастерскую скульптора Фидия / Courtesy of the University of Illinois Archives.

Фидий позволил своему ученику отправиться в дальний путь, однако весьма неохотно. К этому времени они с Пантарком полюбили друг друга. Позднее Пантарк обнаружил, что, работая над статуей Зевса, Фидий поддался очередному соблазну: на пьедестале он изобразил самого Пантарка, получающего венок победителя.

АВРААМ ЛИНКОЛЬН КАК ЗЕВС

Желающие увидеть подобие знаменитой статуи Зевса могут посетить один из множества псевдогреческих храмов в столице США, Вашингтоне (в свое время американцы увлекались античностью). Внутри мемориала Линкольну, украшенного фризами и дорическими колоннами, находится статуя президента, сидящего в похожем на трон кресле. Ее намеренно уподобили утраченному изваянию Зевса Олимпийского – впрочем, этот Линкольн высотой менее шести метров, тогда как Зевс был вдвое его выше. И да, пропорции здания, построенного для статуи, практически соответствуют фидиеву золотому сечению: 57,8 на 36,1 м.

Некоторые носители американского жестового языка полагают, что создатель этого Линкольна, как и Фидий, не удержался и оставил скрытое послание. Якобы сидящий Линкольн показывает пальцами буквы А и L, потому что сын скульптора был глухим.

Что чувствовал Пантарк, оказавшись в Афинах? Юношу из маленького города, почти деревни, это место потрясло. У

Пантарка захватывало дух, когда он пробирался сквозь толпу на афинской Агоре, где одни говорили с сиракузским, а другие – с персидским акцентом и порой слышалось непонятное бормотание полуголых фракийских рабов. В Элиде все ложились спать вскоре после заката; в Афинах даже глубокой ночью пировали при свете ламп. На улицах выступали акробаты и музыканты, а совсем рядом, в стое, философы спорили о смысле всего сущего.

Пантарк ощутил себя афинянином, едва корабль, на котором он путешествовал, достиг Пирея. Афинский порт был полон судов – от пузатых лодочек местных рыбаков до неповоротливых торговых кораблей и изящных триер, напоминавших акул и скользивших по водам в направлении внутренней гавани. Пантарк не мог оторвать взгляда от этой суеты, от этого осмысленного хаоса. Позднее он осознал, что такая атмосфера царила не только в порту, но и во всем городе. Может быть, афиняне сами не понимали, куда стремятся, или не были уверены, что избрали правильный путь, но это не мешало им двигаться быстрее и элегантнее, чем кто-либо прежде. В ту пору все казалось возможным.

Пантарк поселился в комнате на втором этаже таверны Фанагоры и Деметрия, рядом с храмом Зевса, находившемся на пути из Пирея в Афины. Днем он бродил по Акрополю и, благодаря знакомству с Фидием, сблизился со скульпторами, художниками и каменщиками, заполонившими строительную площадку. На его глазах они возводили прекрас-

нейшее здание в мире. Мог ли Пантарк покинуть это место?

Вечерами Пантарк подрабатывал, помогая владельцам таверны. За работой он восторженно делился со всеми желающими своими впечатлениями от красот Парфенона – и нашел благодарную слушательницу в лице дочери хозяев, Хелидонии. Хелидонию называли в честь чистотела, красивого дикого цветка желтого цвета. И сама она оказалась

Пантарку очень красивой. Со временем Хелидония стала женой элейца Пантарка, а ее мать принялась готовить зятя к роли трактирщика.

Так Пантарк и стал афинянином. Впрочем, строго говоря, он стал метэком. Полноправным афинским гражданином считается только тот, кто родился в Афинах в семье афинян. Как говорится, скорее кошка станет собакой, чем чужак – афинянином. Однако метэк – почти афинянин. Буквально это слово значит «переселенец». Хоть афиняне и не горят желанием делиться гражданскими правами с переселенцами, обойтись без метэков они не могут. Метэков в Афинах десятки тысяч: среди них торговцы, служащие, жрецы, моряки и, конечно, трактирщики.

Чистокровные афиняне смотрят на переселенцев свысока, но метэки терпеливо сносят насмешки: многие из них существенно богаче заносчивых граждан. Среди афинян много земледельцев, ведь переселенцам приобретать землю запрещено. Если бы эти афиняне слышали, как метэки за глаза называют их деревенщинами, спеси бы у них наверняка

поубавилось.

Именно метэки – движущая сила афинской экономики. Если бы не деньги, которые они вносят в казну (а за право жить в Афинах метэкам приходится платить особый налог), триеры афинского флота не господствовали бы на море. Помогать трактирщице в Афинах куда выгоднее, чем владеть небольшим участком земли в Элиде, поэтому Пантарк не жалуется на свое неполноправие. У него растёт здоровый сын и милая пухленькая дочка, но и они будут метэками, несмотря на то, что родились в Афинах.

Будучи метэком, Пантарк не может принимать участие в народном собрании (так же, как афинские женщины и рабы) и исполнять функции присяжного. Но право вести свое дело в афинском суде у него есть: Пантарк знает это на собственном опыте, ведь совсем недавно ему пришлось пойти в суд, когда под видом вина ему продали несколько бочонков уксуса. Пантарк помнит, с каким видом присяжные передавали друг другу чашу, наполненную этим уксусом. И они обязали поставщика вернуть все деньги и компенсировать ущерб.

Хотя Пантарк не имеет права посещать народное собрание, он обязан исполнять его решения. Метэки служат в афинской армии и тренируются так же тщательно, как и граждане. Пантарк достаточно состоятелен и может позволить себе паноплию – полное вооружение гоплита, афинского воина высшего разряда. Если афиняне решат объявить кому-то войну, Пантарку волей-неволей придется сражаться

вместе с ними.

Во время недавней войны со Спартой Пантарк служил во Фракии и пропустил опустошившую Афины вспышку чумы, жертвой которой стала его любимая Хелидония (в его отсутствие таверной управляла ее мать Фанагора, которую, кажется, ничто не берет). Никто уже не сомневается в верности метэка Пантарка и в его готовности исполнять свой долг перед городом – даже если речь об охране Акрополя, о самом сердце храма Афины.

Слыша шарканье сандалий о камень, Пантарк понимает, что смена уже подоспела. Совсем скоро другие люди займут его место, место рядом с богиней. Пантарку не вполне ясно, кто кого сторожит. Он войдет в караульню, обменяется парочкой грубых шуток с такими же стражами, выпьет залпом чашу дешевого вина и проспит несколько часов – рано утром он снова должен быть на посту.

Рассвет медленно разукрасит стальное афинское небо, Агора внизу постепенно наполнится маленькими фигурками, а Пантарк снова будет стоять на страже. Наконец он опять заглянет в храм, еще раз поприветствует свою госпожу, а затем спустится вниз по огромной лестнице, минуя множество сторожевых постов, окажется в Нижнем городе и пройдет вдоль Длинных стен до самой таверны.

Иногда Пантарк задумывается: что стало с Фидием? Поговаривали, что во время войны со Спартой скульптору удалось покинуть враждебную Элиду, но как сложилась его

дальнейшая жизнь, неясно. Мир навеки лишился его гения. Интересно, что бы изваял великий мастер, увидев нынешнего Пантарка – лысеющего мужчину, изнуренного долгими летними кампаниями?

...Фидий – славнейший во всем мире художник...

<...> ...он славится не напрасно...

Плиний Старший. «Естественная история», 36.18⁵

Ни в загорелом воине, облаченном в доспехи, ни в веселом трактирщике, перешучивающемся с посетителями, никто не узнал бы стройного златокудрого юношу из Элиды. И все же на мизинце Зевса, самого царя богов, восседающего на троне в Олимпии, Фидий вырезал его имя: Pantarkes kalos – «Пантарк Прекрасный».

«Да, – думает Пантарк, втягивая упрямый живот, который год от года становится все заметнее, – тогда я был прекрасен!»

ФИДИЙ

Фидий впервые упоминается в исторических источниках в связи со строительством грандиозных зданий в Афинах, оформление которых Перикл получил ему около 450 г. до н. э. Фидий считается создателем стиля «высокой классики»: его скульптуры изображали мужчин и женщин в расцвете сил, физически совершенных, преисполненных

⁵ Перевод С. А. Аннинского. Цит. по: Архитектура античного мира. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1940.

отстраненного спокойствия. Разумеется, лучше всего этот стиль подходит для изображения греческих богов. Говоря «красив как бог», мы имеем в виду именно богов Фидия.

Большая часть сведений о Фидии известна нам из сочинений Плутарха, жившего на пятьсот лет позже. Обстоятельства изгнания Фидия исключительно туманны, однако, если верить Платону, в Элиде он нашел применение своим талантам и разбогател (см. Платон. «Менон», 91D). Большинство исследователей полагают, что Фидий умер не своей смертью, но кто виноват в его гибели – афиняне, элейцы или спартанцы, – до конца не ясно.

Восьмой час ночи (01:00–02:00)

Рабыни разыгрывают пьесу

Строго говоря, Дария находится в андроне – части дома, куда допускаются только мужчины. Обычно в таких помещениях хозяева принимают гостей; но всякому ясно, что в этом андроне никто не пирует. В свете однойединственной масляной лампы можно различить только письменный стол. Мрак скрывает ложа для пиров, но они отодвинуты к стене, а вместо пирующих на них возлежат свитки, одежда да недоеденный ломоть хлеба с оливками. Более того, сейчас в этих мужских владениях нет ни одного мужчины – только Дария и еще одна женщина. Склонившись над столом, они изучают лежащий на нем предмет. Внезапно спутница Дарии начинает говорить стихами:

«Почтеннейшей спартанке, Лампито, привет!
Какой красою блещешь ты, любезная!
Румяна как и телом как упитанна!
Да ты быка задушишь!»⁶

В ответ Дария изо всех сил старается изобразить спартан-

⁶ Аристофан. «Лисистрата», 77–80. Здесь и далее комедии Аристофана цитируются в переводе А. И. Пиотровского по изданию: Аристофан. Комедии. Фрагменты. М.: Наука, Ладомир, 2000. Прим. пер.

ский акцент, сознавая, что звучит не как спартанка, а скорее, как афинянка, застудившая горло. Спартанцы – народ нелюбимый, а те немногие уроженцы Лаконии, которых ей довелось встретить в Афинах, были чересчур лаконичны.

Дария перечитывает написанное на свитке. Она не уверена, как именно можно «блистать красой». Но драматург написал именно «блещешь». Точнее, сперва он зачеркнул это слово, но затем вернул его на место.

Хрисеида, ее спутница, нетерпеливо вздыхает и возвращается к своей роли:

«А что за груди! Твердые и круглые!»⁷

Дария едва успевает увернуться. Хрисеида в свое оправдание заявляет:

– Так в пьесе написано! Смотри, ты должна ответить: «Ты что ж меня, как жрец голубку, щупаешь?»⁸

Дария силится понять, что здесь смешного, а потом вспоминает, что на сцене говорить и делать все это придется актерам: в афинском театре женские роли играют мужчины. Мужчины в женской одежде, лапающие друг друга за бутфорские груди, – именно таким пошлым юмором и славится ее хозяин, Аристофан.

Дария знает, что они с Хрисеидой – особенные рабыни:

⁷ Там же, 82. Прим. пер.

⁸ Там же, 83. Прим. пер.

они обе умеют читать. Далеко не все свободнорожденные афинянки могут похвастаться тем же. Впрочем, не так уж это и удивительно, ведь хозяин Дарии и Хрисеиды – ведущий афинский комедиограф. Он как раз лег спать и оставил на столе черновик своей новой комедии, которую предприимчивые девушки пытаются читать по ролям.

Хрисеида присматривается к имени своей героини.

– Лисистрата... Какое редкое имя! Кто назовет свою дочку «Распускающей войско»? Почему не Неэра, «Новая»? Или Евдокия – «Красивая»⁹?

– Ну, такие имена приносят несчастье. Знаешь девушку из дома Евдокса, Екатерину? Ее имя значит «непорочная», а сколько у нее мужчин? Да хотя бы меня возьми. Мое значит «многим владеющая», а ведь мне даже моя туника не принадлежит. А тебя зовут Хрисеида...

Дария смущенно умолкает. Имя Хрисеиды – больная тема для его обладательницы. Рабы попадают в Афины разными путями. Хрисеида рассказывала Дарии, что ее путь начался двадцать пять лет назад, когда лидийские пираты захватили лодку в море у Галикарнаса. В лодке находилась мать Хрисеиды, дочь местного аристократа. Этот аристократ отказался выплачивать выкуп за свою дочь, и пираты продали ее в рабство (на решение отца наверняка повлияло то, что у него было еще две дочери, и за каждой в свое время пришлось бы дать большое приданое). Хрисеида родилась в Анатолии,

⁹ Имя Евдокия происходит от греческого слова «благоволение» Прим. пер.

где ее мать стала наложницей персидского чиновника. Имя Хрисеиды происходит от слова «золото», но сама она столь же смугла, как и ее отец-перс.

Саму Хрисеиду захватили в плен греки, напавшие на приморский город, в котором она жила. Так Хрисеида стала трофеем. В возрасте восемнадцати лет ее продали в рабство в Афинах. Когда-то мать научила ее читать и писать – это и привлекло в ней драматурга Аристофана, которому как раз нужен был раб-секретарь, а заодно и уборщик, и помощник по хозяйству. С тех пор Хрисеида живет в доме комедиографа.

Хрисеиде еще повезло. В отличие от нее, Дария понятия не имеет, кем был ее отец. Гордое имя ей дала честолюбивая мать – рабыня-проститутка, жившая в одном из лучших борделей Кидафиней (самого большого из пяти районов в городской черте Афин). Мать Дарии не хотела, чтобы дочь пошла по ее стопам, и сделала все, чтобы девочка обучилась не только грамоте, но и основам счетоводства. В результате Дарию продали одному из постоянных клиентов борделя – Аристофану. В доме нового хозяина она встретила Хрисеиду, которая восполнила пробелы в ее знаниях – в том числе для того, чтобы как-то себя развлечь.

Этим женщинам живется не так уж плохо. Они обе провели в рабстве всю жизнь, но свысока смотрят на свободорожденных нищих, сидящих в грязи и выпрашивающих подаяние. Рабынь, по крайней мере, кормят и одевают, и им не

приходится спать на улице.

Вдобавок большинство греков относятся к рабам как к людям, оказавшимся в трудных жизненных обстоятельствах, а не как к несвободным от природы существам (разумеется, если речь идет о рабах-греках – все знают, что варвары рождены для рабства). Образованные рабы-греки рассматривают свою рабскую участь как нечто временное, и их хозяева мыслят так же. Разумеется, Дария и Хрисеида не собираются оставаться рабынями до конца своих дней. За Хрисеидой ухаживает помощник одного финикийского купца, паренек, которому ее смуглая кожа и темные кудри кажутся весьма привлекательными. Если он купит ее у Аристофана, Хрисеида выйдет за него замуж и потребует свободу в приданое. В конце концов, нет ничего невозможного.

Дария метит еще выше: она надеется выйти за самого Аристофана. А почему бы и нет? Многие наложницы в один прекрасный момент становятся женами. Аристофану чуть больше тридцати лет – самое время для брака. Обычно афинские мужчины берут в жены девушек, которые младше их на десять-пятнадцать лет, и семнадцатилетняя Дария – идеальная пара для драматурга. В самом деле, зачем ему жениться на какой-нибудь чопорной аристократке, с которой он едва знаком?

Денег у Аристофана достаточно, а до мнения афинских политиканов ему нет никакого дела – не зря же он регулярно высмеивает их в своих пьесах. Несколько лет назад демагогу

Клеону настолько не понравилось, как Аристофан изобразил его в одной из своих комедий, что он решил судиться с драматургом (несмотря на это – а возможно, именно благодаря этому – пьеса получила первый приз на Ленеийских состязаниях: афиняне никогда не испытывали благоговения перед своими политиками).

Гнев Клеона наверняка был вызван тем, что Аристофан намекал на его нечистоплотность. Дария припоминает, как читала эти строки:

Бейте, бейте негодяя, коневредного слепня,
Ненасытную харибду, живоглота-паука!
Негодяя, негодяя! Дважды, трижды повторю:
Ведь не просто негодяй он, – дважды, трижды негодяй.
Ну, так бей его, преследуй, колоти, гони, лупи!

<...>

Ты ведь щупаешь, как смоквы, у ответчиков бока,
Что, созрели уж для взятки или пусть еще растут...

<...>

Ты ведь ищешь среди граждан побогаче дурачков,
Почестнее, поглупее выбираешь простака...»¹⁰

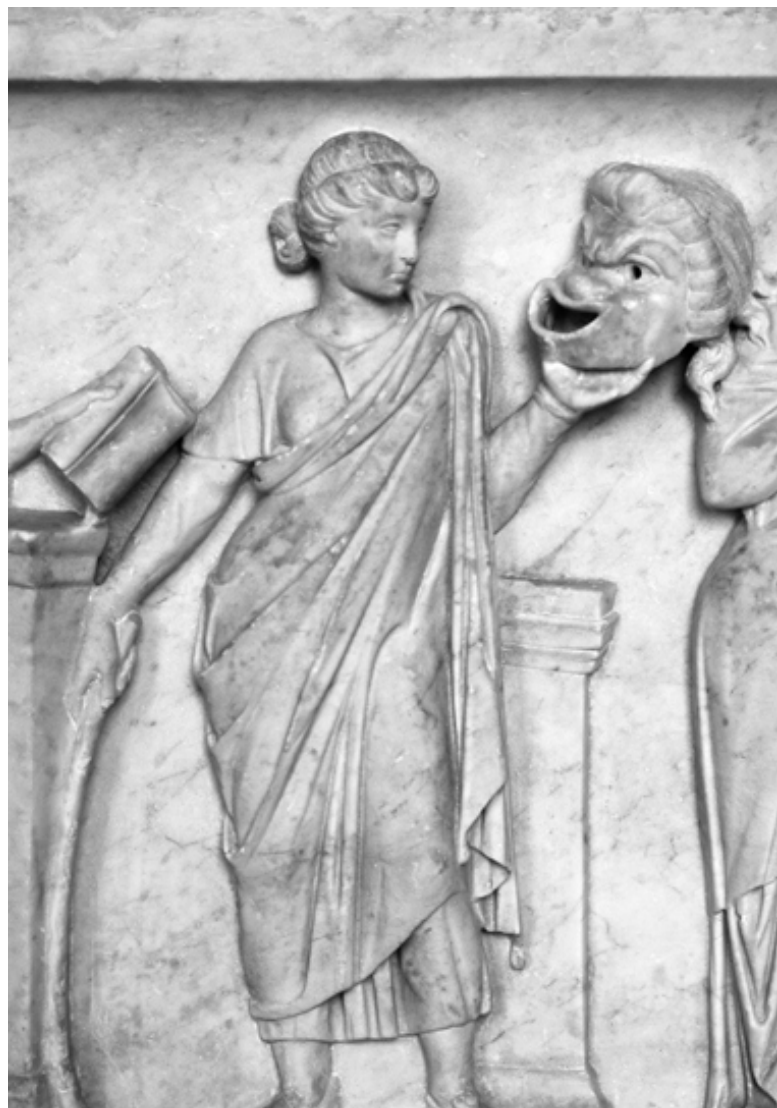
В общем, Клеона нельзя назвать большим поклонником Аристофана – а вот Сократ, как ни странно, не в обиде на драматурга. Это многое говорит о Сократе: мало кто продолжил бы общаться с человеком после такого разноса, кото-

¹⁰ Аристофан. «Всадники», 247–251, 259–260, 264–265.

рый Аристофан учинил Сократу в «Облаках». Не так уж часто одному-единственному философу посвящают целую комедию – а эта комедия представляла собой форменное издевательство над Сократом, его личностью и идеями (которые, если верить Аристофану, изготовлены в своего рода мастерской под названием «мыслильня»). Впрочем, «Облака» не имели большого успеха у публики. От афинских сплетников Дария узнала, что виноват в этом был сам Сократ. Слушая меткие нападки, он не гневался и даже не морщился, а казалось, искренне наслаждался представлением. На праздник Дионисий в город стекаются толпы чужаков, жаждущих увидеть театральные постановки, и, когда один из них недоуменно спросил: «Да кто такой этот Сократ?», философ встал со своего места и весело помахал собравшимся. В результате вместо того, чтобы приветствовать разоблачение самовлюбленного эгоиста, зрители сочли, что Аристофан набросился на благоразумного и добродушного гражданина, который к тому же имел репутацию героя войны (когда Сократ не спорил об этике или о природе души, он дрался, словно бешеный волк). В тот раз Аристофан занял третье место из трех возможных.

Дарии «Облака», безусловно, нравятся. Один из главных героев, Стрепсиад, влезает в долги, потому что его испорченная супруга-аристократка разрешает их не менее испорченному сыну растрачивать деньги, которых у Стрепсиада попросту нет. Здесь Дария полностью согласна: нет ничего

хуже жен-аристократок, которым подавай лошадей, шелка и красивую жизнь. Аристофану нужна красивая, хозяйственная и благоразумная невеста. А чтобы найти такую невесту, ему достаточно присмотреться к женщине, с которой он делит постель. Дария не оставляет попыток склонить драматурга к браку, хотя для человека, считающегося мастером слова, Аристофан поразительно плохо считывает даже самые прозрачные намеки.

Талия, муза комедии, держит комическую маску ¹¹

АРИСТОФАН

Аристофан считается величайшим представителем так называемой древней аттической комедии – впрочем, здесь у него есть существенное преимущество, так как из комедий этого периода сохранились лишь его произведения (до нас дошли одиннадцать из примерно сорока написанных им пьес). Аристофан никогда не был голодным художником: он происходил из богатой семьи (по-видимому, владевшей землей на острове Эгина) и получил превосходное образование. Он считался знатоком поэм Гомера и успешно отстаивал свои взгляды в разговоре с ведущими философами эпохи.

Аристофан был ярким противником войны, и «Лисистрата» – лишь одна из множества пьес, в которых он критиковал бессмысленность войн и глупость людей, втягивающих в это его город.

Мы не знаем, на ком Аристофан в итоге женился, но в том, что он женился, сомнений нет: у него было три сына, один из которых, по-видимому, дописал и поставил две пьесы, оставшиеся незаконченными на момент смерти драматурга в 386 г. до н. э.

После краткой, но довольно напряженной паузы рабыни возобновляют чтение «Лисистраты» по ролям. Не сговари-

¹¹ Талия, муза комедии. Рельеф Саркофага муз. Музей Лувра, Париж / Marie-Lan Nguyen, Wikimedia Commons, Public Domain.

ваясь, они перестали играть разные роли. Вдруг Хрисеида восклицает:

– Ой, кажется, мы больше не занимаемся любовью!

Дария отрывается от свитка (она читает гораздо медленнее Хрисеиды).

– С чего это? Что-то религиозное?

– Вроде того. Все женщины Греции торжественно клянутся этим больше не заниматься. Вот, смотри: «Не подниму персидских туфель к пологу... Не встану, словно львица над воротами...»¹² Полное воздержание!

– Как будто по-другому нельзя! – со знанием дела замечает Дария. – Вот, например...

Она замолкает, вдруг осознав, что означает появление этой комедии. Антивоенные пьесы не пишутся просто так. Значит, рыночные сплетни недалеко от истины. Война вот-вот возобновится.

Хотя Дарии нравится задумка Лисистраты, созвавшей женщин и уговорившей их не раздвигать ноги, пока мужчины не прекратят драться, женщина убеждена: драться они будут в любом случае. Они дерутся всегда. Не так давно афиняне воевали в Египте – ничего хорошего из этого не вышло, но город все равно развязал еще одну войну – в Малой Азии (иначе Хрисеида не оказалась бы в Греции). Затем война со спартанцами, а теперь все судачат о том, как легко Афины могут завоевать Сицилию. Прав был Гомер: скорее мужчины

¹² Аристофан, «Лисистрата», 230–231. Прим. пер.

устанут от вина и от танцев, чем от войны!

Дария с ужасом думает о новой войне и о неопределенности, которую она принесет. Аристофана снова не будет дома. Его могут даже убить! А если все сложится совсем плохо, они с Хрисеидой тоже не переживут эту пору.

ЛИСИСТРАТА

Пьеса будет поставлена в 411 г. до н. э., через пять лет после этого воображаемого чтения первых черновиков Аристофана. К тому времени война между Афинами и Спартой возобновится – на этом фоне героиня комедии и решит организовать переворот. Лисистрата предлагает именно то, о чем говорилось здесь: женщины Греции устраивают сексуальную забастовку, требуя от своих мужей прекратить убивать друг друга.

«Лисистрата» считается шедевром Аристофана – ее неоднократно переводили и публиковали в различных сборниках. Проблема со многими современными интерпретациями пьесы в том, что они содержат явный феминистический посыл, искажающий замысел автора. Хотя Аристофан относился к женщинам с гораздо большим сочувствием, чем многие из его современников, мысль о том, что женщины могут получить власть над мужчинами, казалась ему просто смешной.

Греческий оригинал полон поразительно неприличных шуток, которые впечатлительные переводчики предпочитали смягчать. Представьте, что

Шекспир решил бы сочинить порнографическую пьесу с политическим подтекстом.

– Война – мужское дело, – говорит Хрисеида, повернувшись спиной к Дарии. – Мы молчим и сидим дома, одинокие, всеми забытые. Нам приходится сносить их безрассудство. От нас требуют, чтобы мы прикусили язык, но ведь мы понимаем, что происходит: даже дома он только и говорит, что о войне! Приходит с собрания и вещает об очередном безумном решении, которое еще быстрее всех нас погубит! Но если мы спросим, что там собираются написать на табличке с мирным договором, на нас поглядят с презрением и потребуют скорей приниматься за пряжу, а не то заболит голова или что похуже¹³!

Дария удивляется, услышав из уст подруги такую тираду. Она и не знала, что Хрисеида настолько красноречива! Дария не сразу замечает, что, пока она сама читала со свитка, Хрисеида дотянулась до черновых заметок драматурга и принялась их цитировать. Она заглядывает подруге через плечо и видит множество перечеркнутых строк и приписку: «переложить ямбическим тетраметром». Что бы это ни значило.

Дария не может сдержать смех. Она понимает, почему не узнала слов своего хозяина: он еще не успел втиснуть в этот фрагмент скабрёзную шутку. А ведь именно это получается у Аристофана лучше всего: он делает из какой-нибудь пош-

¹³ См. Аристофан, «Лисистрата», 528–541. Прим. пер.

лости такие изящные стихи, что зрители в театре не знают, восхищаться или возмущаться.

Она пытается оценить работу хозяина критически. Дария, конечно, не знаток театрального искусства, но насколько же комфортнее станет жизнь в доме драматурга, если его пьеса будет принята хорошо! Многое зависит от хора: хорошо обученный хор может спасти пьесу, а плохо обученный – все испортить. А вот и слова, которые будет петь хор... Постойте-ка! Удивившись, Дария начинает копаться в лежащих на столе бумагах... Вот же – совсем другие слова! Дария догадывается, что Аристофан решил использовать в пьесе сразу два хора: хор мужчин и хор женщин. Значит, и риск, что что-то пойдет не так, возрастает в два раза! Но это новаторское решение, и Дарии кажется, что заядлые театралы его оценят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.